

— Расскажи о том, как ты служил в армии...

— Я думал, ты уже всё знаешь.

Знать что? Что ты стал генералом или что сейчас ты в зените славы?

— Я слышал, что ты стал генералом, переехал в пожалованный императором дом, и даже думал отправить тебе поздравление, но не знал...

Ляо Цюли улыбнулся, прервав себя. Некоторые вещи не нужно говорить вслух — ты теперь другой человек, и я не знаю, помнишь ли ты старую дружбу. Я всего лишь художник, человек низкого сословия, и мне неловко просто так приходить к тебе.

— Я не планирую долго жить в пожалованном доме. Недавно я купил через посредника небольшой дом с двумя дворами и собираюсь обустроить его. Я переезжаю завтра, поможешь мне?

Ляо Цюли не ожидал, что он не будет жить в большом доме, подаренном императором, а выберет небольшой.

— Почему ты не хочешь жить в большом доме, а переезжаешь в маленький?

— В большом доме нет жизни, слишком много людей и глаз. В маленьком доме лучше, закрыл дверь — и никто не знает, что ты делаешь.

Когда он сказал «никто не знает, что ты делаешь», на его обычно холодном лице появилась лёгкая улыбка, полная скрытого смысла.

— Ты переезжаешь завтра? Тогда я найду несколько человек, чтобы помочь с обустройством...

— Ляо Цюли не обратил внимания на его выражение лица, он только услышал, что тот собирается переезжать, и подумал, что понадобится помощь.

— Не нужно, всё уже готово. Я просто хочу, чтобы ты помог мне с «прогревом дома» [старый обычай, когда в новый дом приглашают гостей, чтобы наполнить его жизненной силой].

— Ты устраиваешь праздник? Отлично, завтра я приду с подарком, — Ляо Цюли улыбался, радуясь за Маленького Каштана, который наконец обрёл свой уголок и больше не должен был жить, оглядываясь на других.

На следующий день Сяо Юй приехал за Ляо Цюли. Один ехал верхом, другой — в повозке. Они проехали довольно далеко, вошли в переулок Янхулу, свернули два раза, прошли около ста шагов и оказались на месте. Войдя внутрь, они увидели внутренний двор, навес, гранатовое

дерево и даже клетку с попугаем. Двор был чист и ухожен, но где же все люди?

Ляо Цюли обернулся к Сяо Юю:

— Эй, а где же твои гости? Друзья, соседи, соратники?

— Я никого не пригласил, сегодня только ты.

— Что? Только я один, и это называется «прогрев дома»?

Ляо Цюли рассмеялся, считая это шуткой. Но потом подумал, что это, возможно, было сделано из заботы о его чувствах. Ведь художник низкого сословия среди генералов и их приближённых чувствовал бы себя неловко, не так ли?

— Если только ты один, это не прогрев дома, а свадебная ночь.

Генерал Сяо произнёс это с холодным выражением лица, как будто шутил, и Ляо Цюли рассмеялся ещё больше.

— Ладно, ладно! Хватит смешить меня! Ты с таким серьёзным лицом говоришь такие вещи, это просто убивает!

Генерал Сяо смотрел, как Ляо Цюли смеётся, и снова почувствовал смущение и раздражение.

— С чего ты смеёшься? Что не так с тем, что я сказал?

Ляо Цюли продолжал смеяться, едва сдерживаясь. Наконец он остановился и, всё ещё улыбаясь, погладил его по голове:

— Генерал Сяо, молодой герой, красавец, естественно, мечтает о невесте. Жаль, у меня нет подходящих родственниц, чтобы порекомендовать тебе, а то бы я точно устроил тебе свадьбу!

Сяо Юй отвернулся, избегая его прикосновений, и стал ещё более смущённым и раздражённым.

— Не гладь меня по голове! Я уже не ребёнок!

Ляо Цюли продолжал смеяться, всё громче и громче, пока не наклонился в сторону. Смеясь, он махал рукой:

— Ты на пять лет младше меня, независимо от статуса, ты всегда должен называть меня «старшим братом»! И ты говоришь, что не ребёнок... Ладно, сегодня мне не нужно ужинать, я уже наелся смехом.

Генерал Сяо, который утверждал, что он не ребёнок, был так раздражён, что вёл себя как капризный малыш!

Ляо Цюли, наконец, перестал смеяться и пошёл за ним во внутренний двор, чтобы успокоить двадцатилетнего «малыша».

После долгих извинений и уговоров Сяо Юй выдвинул несколько условий:

— Приготовь мне ужин.

— Остайся сегодня ночевать.

Ляо Цюли согласился на всё, и только тогда Сяо Юй, с недовольным лицом, повернулся к нему.

Согласившись приготовить ужин, Ляо Цюли приступил к делу. Сначала он спросил, что хотел бы съесть Сяо Юй. Тот ответил:

— Ничего сложного, просто испеки лепёшки. Я купил немного мелкой рыбы, она подойдёт к лепёшкам.

Он знал, что это непросто! Лепёшки могут пригореть или остаться сырыми, если огонь будет слишком сильным или слабым, а рыба может развалиться, если её переварить, и будет горчить. Он специально выбрал сложные блюда, чтобы подшутить над ним. Разве это не поведение ребёнка? Когда обижается, сразу ищет способ отыгаться.

Ну что ж, он старше на четыре-пять лет, и старший должен уступать младшему. Он взял миску и начал замешивать кукурузную муку.

Они работали вместе на кухне: Ляо Цюли замешивал тесто, а Сяо Юй разжигал огонь и управлял мехами, регулируя температуру. Они испекли лепёшки, сварили рыбу и сели ужинать в главной комнате. За ужином они говорили о последних годах, и Сяо Юй, как обычно, рассказывал только о хорошем, избегая неприятных тем. Ляо Цюли молча слушал, понимая, что тот что-то скрывает, но не стал настаивать. Если он не хочет говорить, значит, на то есть причины.

Они не виделись пять лет, и разговоров было много. Они говорили до глубокой ночи, пока не решили отправиться спать.

Сяо Юй сказал, что в доме только одна спальня, и предложил спать вместе. Ляо Цюли не видел

в этом ничего странного, считая его просто одиноким молодым человеком или младшим братом. Они легли вместе: Сяо Юй снаружи, Ляо Цюли внутри. После долгого разговора Ляо Цюли уже засыпал, как вдруг почувствовал, как чья-то рука скользит по его лицу, от щеки к носу, затем к губам. Движения были лёгкими, но настойчивыми, с оттенком нетерпения. Он подумал, что это сон, и не обратил внимания. Но через некоторое время рука опустилась на шею, затем на грудь, остановившись на сосках, и это вызвало у него зуд.

Что происходит? Почему кто-то трогает меня посреди ночи?

— Маленький Каштан, что ты делаешь? Почему не спишь?

Он произнёс это в полусне, и Сяо Юй чуть не умер от испуга! Он быстро убрал руку и отвернулся, боясь пошевелиться. Двадцатилетний юноша, не имевший опыта в таких делах, был слишком робок. В армии были проститутки, но он никогда не прикасался к ним, считая, что такие вещи должны происходить только с тем, кто занимает особое место в его сердце. Теперь, лёжа в одной кровати с этим человеком, он осторожно прикоснулся к нему, как бы проверяя реакцию, но, получив лишь лёгкое замешательство, поспешно отступил.

Хотя его смелость была ещё невелика, желание не угасло. В течение следующего часа он притворялся спящим, ожидая, пока Ляо Цюли крепко уснёт, а затем снова осторожно протянул руку и прикоснулся к нему. Ляо Цюли был слишком сонным, чтобы обращать на это внимание.

Ну что ж, он провёл бессонную ночь, но хотя бы немного «попробовал».

<http://bllate.org/book/15507/1377263>